

рѣчи порядка слов. Разумѣется, между «прозой» и «поэзіей», в условном значеніи этих терминов, нѣтъ точной границы, и такое соскальзываніе «прозы» в «поэзію» — фактъ обычный, неизбѣжный и вполне законный тогда, когда высказываніе носит конкретный, цѣлостный **поэтический** в точном смыслѣ слова, характер, когда им передается не отвлеченная мысль, но переживанія (жизнь и **есть** движеніе, ритм). Но когда мы **замѣчаем**, как это движеніе рѣчи достигнуто, средство заслоняет в нашем сознаніи результат. Я останавливаюсь на этом потому, что чѣм ближе произведеніе художественнаго слова к тому, чѣм оно должно быть, к поэзіи, т. е. выраженію **одной** художественной идеи, тѣм досаднѣе, когда это его единство нарушается — и притом такими, чисто внѣшними, стилистическими приѣмами, которые никак не обусловлены его содержаніем, матеріалом повѣствованія, когда, слѣдовательно, внѣшняя форма не выражается внутренней, и **красота** подмѣняется **красивостью**.

П. Бицилли.

О. О. Грузенберг, Вчера. Париж. 1938.

.. «Петражицкій «с присущей ему стройной логичностью и тщательной методичностью в аргументаціи нарисовал картину гибели **обреченной**, как он выразился, Европы, описал точно пути, по которым пойдет эта гибель, и назначил примѣрные сроки. Миѣ трудно было ему возражать, так как сам думаю приблизительно то же, но с той лишь существенной разницей, что не считаю общечеловѣческой гибелью крушеніе міровоззрѣнія **моего** поколѣнія, равно, как глубоко вѣрю, что «золотой вѣкъ» — не позади, а впереди, всегда и во всем впереди».

... «Русская революція — національнѣйшая из національных, и суровость ея тоже национальная. Там, гдѣ долго льются слезы, неотвратимая расплата — **кровь**».

... «Ничего не кляню, ни от чего не отрекаюсь, ни о чем не жалѣю».

Этими настроеніями проникнута книга О. О. Грузенберга. Характерны ея начальныя строки:

«Первое слово, которое дошло до моего сознанія, было русское. Я полюбил этот удивительный язык: в ласкѣ шелковисто - иѣжный, завораживающій; в книгѣ — простой, просвѣчивающій до невозможно-сти скрыть малѣйшую фальшь; в испытаніях борьбы — подмороженный, страстно - сдержанный».

Автор не повторяет тургеневской мысли о величіи народа, создавшего такой язык, — но она сквозит в его книгѣ.

Столь же влюбленно - восторженны отзывы автора о среднем русском человѣкѣ, о русском народѣ. Даже в главѣ «Срам», отведенной воспоминаніям о дѣлѣ Бейлиса, О. О. Грузенберг пишет:

«Дана им, этим русским людям, большая душа, которая болѣет чужой болью, как своей, даны совѣсть, большая совѣсть, которой **есть** дѣло до всѣх дѣл міра, до всякой неправды».

Автор вѣрит в Россію, вѣрит в русский народ. Вѣрит и в человѣка вообще:

«Сердечных людей встрѣчал я всюду, — даже там, гдѣ менѣ всего ожидал их найти. Кстати: отчего даже злые люди стараются казаться добрыми? Без большого спроса на этот товар кому охота насиловать себя?»

Значительная часть книги занята описаніями тягостных, часто мучительных трудов, которых требовала в Россіи судебная защита чело-вѣка и права. Но и о русском — дореволюціонном — судѣ автор пишет:

«Такого суда — говорю без преувеличенія — не знала Западная Европа. До закона 18 марта 1906 г. о передачѣ в особія присутствія судебных палат политических дѣл, — закона, повлекшаго за собою назначеніе судьями всяких угодливых карьеристов, — русскіе судьи были подвижниками».

Автор не связывает себя задачей обосновать свою вѣру в будущее. Он просто вспоминает о дѣтских переживаниях, об отроческих годах, о гвардейском офицерѣ, перешедшем в іудейскую вѣру, об издѣвательствѣ (кіевской полиціи) над матерью, об университетѣ, о крестьянах и рабочих, о судебных процессах, о союзѣ русскаго народа; отдѣльныя главы посвящены В. Г. Короленко, М. Горькому, А. Ф. Кони, А. С. Зарудному, Л. М. Петражицкому, А. В. Пѣшехову, М. В. Ватсон, поэту Фругу и др. Но о чем-бы ни вспомнилось О. О. Грузенбергу, он умѣет видѣть, по его выраженію, толщу, сущность, а не только досадные наросты. Даже в двух жутких главах о процессах военнаго времени (онѣ названы «Бред войны» и подчеркнуты в оглавленіи) сам собою получается вывод: «несправедлив социальный уклад», ужасны условія, но человек хорош, в человекѣ можно и должно вѣрить.

Это — не предвзятость, не тенденція; старый защитник так смотрит на мір: качество, вѣроятно, врожденное, хотя и развитое многолѣтней профессиональной дѣятельностью. Он вспоминает о дѣлах минувших и даже давно минувших. Но для него они—не потонувшій мір. Они были вчера, — и не только потому, что свѣжи в памяти. Рѣка времен не остановилась. «Вчера» живет в «сегодня». И, быть может, то цѣнное, что посѣяно вчера, прорастет и зацвѣтет завтра. Как бы ни казался тяжким нынѣшній день по сравненію со вчерашним, но «золотой вѣкъ — не позади, а впереди, всегда и во всем впереди».

Интересная, бодрая и цѣнная книга.

А. Петрищев.

André Maurois. — «La Machine à lire les Pensées». — Gallimard, Paris. P. 217.

С чисто литературной стороны, новый утопическій роман Моруа значительно уступает первому («Взвѣшиватель душ»). В «Машинѣ для чтенія мыслей» художник явно капитулировал перед мыслителем. Здѣсь Моруа затронулъ серьезныя психологическія и соціологическія проблемы и сравнительно мало заботился о художественной правдѣ и